

CZU [821.161.1.09"19"(092)]

РУССКИЙ СФИНКС: КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

RUSSIAN SPHINX: KONSTANTIN GEORGIEVICH PAUSTOVSKY

Марина ШУЛЬМАН

Abstract: *The article is about Konstantin Paustovsky, a famous Russian writer. Many of his short stories and literary portraits are masterpieces. His name is connected with beauty of Russian landscape and charming Russian language. Paustovsky's interpretation of homeland's nature is equated with „The Pearl” by Vrubel and interpretation of Grieg's musik is compared with Erzya sculpture portrait of Grieg musik.*

Keywords: *literary language, dialectisms, Russian nature, literary portrait, literary landscape, Konstantin Paustovsky, Edvard Grieg, Alexander Grinevsky (Grin), Vrubel Mikhail, Stepan Erzya (Nefedov), short story*

Дело художника – рождать радость Константин Паустовский

Константин Георгиевич Паустовский (1892 - 1968) родился в Москве. В юные годы ему пришлось немало странствовать по России. Он любил природу и считал, что «поэзия странствий», сочетаясь с «неприкрашенной реальностью», способствует творчеству. Особенно нравились писателю леса и реки Мещеры. Константин Паустовский считал, что прелести среднерусской природы он обязан рождением многих своих книг: «Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашёл в лесном Мещерском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряжённого труда. Средней России – и только ей – я обязан большинством написанных мною вещей».

Проза Константина Георгиевича Паустовского была настолько популярна в России во второй половине двадцатого века, что отдельные его произведения были внесены в школьную программу по русской литературе. Восприятие представителей разных поколений значительно отличается, поэтому почётное включение образцов творчества того или иного писателя в число произведений, обязательных для знакомства, является одновременно своеобразным испытанием качества художественного слова. Подростки нередко скрытны и застенчивы. Не каждый из них склонен публично рассуждать о лирических произведениях. А ведь рассказы Константина Паустовского были введены в программу именно в качестве образцов пейзажной и лирической прозы. Нетрудно представить себе, что какому-либо любителю детективов в новеллах Паустовского не хватает остроты действия, язык кажется слишком правильным,

без вкраплений молодёжного сленга, а общий тон повествования излишне взволнованным и несколько сентиментальным. При всём этом люди самых разных возрастов, искренне увлечённые чтением рассказов и эссе Паустовского, не переводятся не только в России. Они есть во всём мире.

Среди поклонников его творчества, например, Марлен Дитрих, которую никак нельзя назвать женщиной со слабым характером. Вот отрывок из её книги воспоминаний «Размышления» о Паустовском: «Он писал романтично, но просто, без прикрас. Я не уверена, что он известен в Америке, но однажды «его откроют». Он – лучший из тех русских писателей, кого я знаю». Конечно, Марлен Дитрих не познакомилась в 1964 году с Платоновым, которого считали чудачком, не представили Солженицыну или Шаламову, выпущенным из лагеря, не организовали встречу с Василием Гроссманом, чей роман «Жизнь и судьба» деятели КГБ считали уничтоженным. Ошибочно, к счастью. Вероятно, эти писатели и их творения произвели бы впечатление на знаменитую Марлен Дитрих, но, я уверена: её мнение о личности и творчестве Паустовского ничуть не изменилось бы. У Паустовского был свой особенный дар, неповторимый почерк, отличное чувство меры и прекрасное чувство юмора. В его произведениях есть мечта, есть идиллия, но не бывает никогда тупости или приторности. Для того, чтобы писать «романтично, но просто» надо обладать каким-то секретом, быть замечательным стилистом, виртуозом своего дела.

В 2010 году в Одессе, городе, где ценят шутку и романтику, среди скульптур Литературного музея появился сфинкс работы Олега Черноиванова, изображающий в образе персонажа египетской мифологии русского автора Константина Паустовского.

Валерий Добужинский, работавший в качестве литературного секретаря у Паустовского, писал о его общественном облике: Паустовский «ухитрился не вступить в партию, не подписать ни единого письма или обращения, клеймящего кого-нибудь. Он изо всех сил пытался остаться и поэтому остался самим собой». Писатель не был никогда диссидентом, борцом с режимом, но обладал здравым смыслом, а также запасом разумной осторожности. Когда острое политическое чутьё подсказывало ему, что поступок может грозить неприятностями, но не крахом, не потерей свободы, кого-либо или чего-либо очень ценного, Паустовский умел идти на риск. Он вёл себя как порядочный человек. На позорном суде над писателями Даниэлем и Синявским совместно с Корнеем Чуковским Константин Паустовский дал положительные отзывы об их творчестве. В 1965 году он ходатайствовал о предоставлении квартиры в Москве Александру Солженицыну.

В 1950 году вышел в свет литературный альманах. Константин Паустовский входил в редакционный комитет этого издания демократического толка. Он писал: «...впервые мне посчастливилось почувствовать себя человеком, при-

частным к подлинному общественному делу, когда я стал членом редколлегии альманаха «Литературная Москва». Вышли два выпуска. Статьи и материалы были раскритикованы. Выход в свет третьего выпуска альманаха был запрещён.

В 1961 году в Тарусе, где некоторое время жил Паустовский, любивший природу тех мест, решено было выпустить в свет литературно-художественный сборник «Тарусские страницы».

Демократически настроенные представители русской интеллигенции, обрадованные хрущевской «оттепелью», надеялись, что удалённость от центра послужит спасительной страховкой от пристального внимания властей. В сборнике были опубликованы стихи Бориса Слуцкого и Давида Самойлова, Наума Коржавина и погибшего на войне Павла Когана, стихотворения Николая Заболоцкого, вернувшегося из лагеря. Большая подборка стихов Марины Цветаевой, покончившей с собой во время войны в Елабуге, также появилась на страницах сборника. Георгий, сын Марины Ивановны Цветаевой, погиб на фронте, а дочь Ариадна вернулась из лагеря уже после смерти матери. В отдел прозы литературно-художественного сборника «Тарусские страницы» были включены повесть Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр!», три рассказа Юрия Казакова, впоследствии награждённого премией во Франции, повесть Бориса Балтера «Трое из нашего города» («До свидания, мальчики»), горькие воспоминания Надежды Мандельштам, жены замечательного поэта Осипа Мандельштама, погибшего в лагере, а также очерк Фриды Вигдоровой «Глаза пустые и глаза волшебные». Из книги «Золотая роза» Паустовского были выбраны именно воспоминания об эмигранте Бунине.

Читатели оценили издание по достоинству, а начальство приступило к «оргвыводам». Директору Калужского книжного издательства был объявлен строгий выговор, Р. Левиту, главного редактора издательства, уволили. Сборник был рассмотрен на заседании Бюро ЦК КПСС, готовилось специальное постановление, отменённое после личной беседы Константина Георгиевича Паустовского с Никитой Сергеевичем Хрущёвым (1884-1971), лидером Советского Союза в те далёкие годы. Константин Григорьевич остро переживал крах надежд, связанных с политической «оттепелью», творческий взлёт и возвращение скванности, несвободы во всех областях жизни родной страны. Наверное, в уме коренного москвича, честного человека и хорошего писателя нежность и горечь нерасторжимо слились в звучании названия небольшого русского городка. По завещанию Константина Георгиевича Паустовского могила его находится в Тарусе, на берегу речки Таруски.

Паустовский не только стремился остаться порядочным человеком. Писатель до самого конца жизни заботился о культурном уровне населения родной страны. Людям моего поколения памятни спектакли знаменитого «Театра на Таганке» в Москве. Юрий Любимов, главный режиссёр этого театра, был талантлив, обладал умением притягивать к себе яркие личности, коих немало было в России в мире театра во второй половине двадцатого столетия. Зрители навсегда запомнили игру Владимира Высоцкого, Николая Губенко, Валерия Золотухина, Ивана Бортника, Леонида Филатова. Любимов нередко проявлял смелость, позволяя себе намёки, звучавшие политически остро и злободневно. Театр неоднократно собирались закрыть.

Узнав о решении снять Юрия Любимого с поста главного режиссёра «Театра на Таганке», Константин Георгиевич Паустовский написал письмо Председателю Совета Министров СССР Алексею Николаевичу Косыгину (1904-1980) в поддержку режиссёра Юрия Любимого. В телефонном разговоре писатель сказал: «С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимете Любимого, распадётся театр, погибнет большое дело». Немногие люди способны незадолго до смерти думать не только о грядущей судьбе своих родичей и наследстве, но и о духовности, культуре, литературе или театральном деле.

Авторитет Паустовского в России был весьма велик. Достаточно сказать, что он заведовал кафедрой литературного мастерства и более десяти лет вёл семинар в Литературном институте имени М. Горького. Талант от бога. Научить ему невозможно, но можно поделиться опытом, помочь талантливому человеку отграничить свой талант, а также сообщить начинающему писателю знания о некоторых приёмах и особенностях литературного творчества. Среди учеников Константина Паустовского были замечательные писатели: Владимир Тендряков, Григорий Бакланов, Юрий Трифонов и др.

Инна Гофф, посещавшая семинар Паустовского, вспоминала: «Он умел создать особую, таинственно-прекрасную атмосферу творчества». Помимо романов и повестей («Кара-Бугаз», «Колхида», «Черное море», «Созвездие гончих псов», «Северная повесть»), а также рассказов («Корзина с еловыми шишками» о Григе, «Наедине с осенью», «Михайловские рощи»)

Паустовский оставил нам целую серию мастерски написанных литературных портретов («Оскар Уайльд», «Эдгар По», «Дядя Гиляй» о Гиляровском), написал немало литературно-критических эссе, создал замечательную книгу, названную «Золотой розой».

Книга о писательском мастерстве глубока, личностна и, в то же время, написана удивительно просто. Она совершенно не похожа на перечень дидактических выкладок и риторических сентенций. Содержание «Золотой розы» Паустовского составляют эссе, написанные очень ярким живым литературным языком. Некоторые из них можно отнести к жанру мемуаров. Другие подходят на короткие рассказы с вкраплениями размышлений о литературном мастерстве в целом, а также тонким анализом художественных достижений того или иного писателя, искренне почитаемого автором книги.

«Золотая роза» может помочь читателю подняться на новый уровень глубины понимания художественного произведения, а любому, пытающемуся что-либо написать, предложить бесценные советы, научить работать над текстом. Коротко и доступно говорит Паустовский об особенностях мышления писателя: об умении из разнообразия и мусора жизни вычленивать драгоценные пылинки романтики и доброты, о способности увидеть красоту в обыденном, о «чувстве призвания», которое нельзя заменить ничем, «ни трезвым расчётом, ни литературным опытом», о том, что в любом тексте должно быть ясно выражено

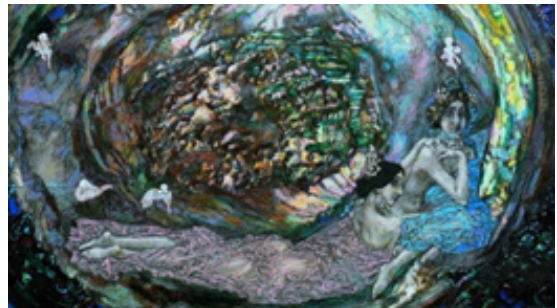

авторское отношение к происходящему.

Писатель щедро делится собственным опытом, рассказывая об упорной работе над своим первым рассказом. Паустовский искренне описывает трудно-уловимый момент зарождения замысла, а также историю возникновения повести «Кара-Бугаз», говорит о возможном «бунте героев». Он мудро различает необходимость изучения географических особенностей местности, карт, исторических фактов, введения в текст познавательных моментов и накопление жизненного опыта. О последнем Паустовский говорит, что никогда не собирал, не записывал специально. Он обладал обширным жизненным опытом и умением понимать людей. Писатели «живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях». Пережитое остаётся в их душах как бесценный источник вдохновения. Не зря глава, в которой Паустовский говорит об этом, называется «Зарубки на сердце». Глубина переживания и острота мысли обеспечивают масштаб незаурядной личности творца, придавая вес и неповторимость его творениям.

Огромное значение имеет язык. У Паустовского чувством языка наделены многие герои. Например, лесник обращает внимание на то, что слова «родник», «родина» и «народ» в русском языке однокоренные, родственные. Он говорит: «Родник родит реку, а река льётся, течёт через всю родину, кормит народ». Паустовский хорошо знал природу родной страны и живо ощущал связь между нею и русским языком. Ни у кого я не встречала такого подробного перечня названий дождей. А ведь писатель ещё и объясняет почему именно так, а не иначе называется определённый «вид дождя». Дождик «спорый» отличается быстротой. Он падает с силой, «отвесно». Его капли выбивают на речке углубление «маленькую водяную чашу», в которой происходит настоящее чудо: «Капля блестит» на дне чаши. Она «похожа на жемчуг». Мне вспомнилась картина русского символиста Михаила Врубеля. У истоков замысла художника была раковина, подаренная ему М. Волошиным, поэтом и художником. Раковина была покрыта слоем перламутра. Его завораживающее мерцание Врубелю удалось передать при помощи изысканно прекрасных линий и тщательного отбора оттенков синих, зелёных и сиреневых красок.

На картине в сияющем таинственном многоцветье изображена раковина жемчужины. В её глубине угадываются две утончённо прекрасные женские фигуры. Врубель образно показал единство природы, таинственную взаимосвязь неорганического и живого органического миров, хрупкость и одухотворённость красоты. У Константина Паустовского, при явственной разнице стилей, с той же силой убедительности и удивительной простотой выражения дано через язык единство природного начала и людей, населяющих Русь. А чего стоит «стеклянный» звук дождя, по силе которого можно догадаться, по утверждению автора, «набирает ли дождь силу или стихает». «Сонный» грибной дождь у

Паустовского мелок, тёпл, без звона. Он «шепчет что-то своё, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой». Точно у каждого дождика имеется не только своё название, неповторимое звучание (стеклянный звук или мягкий шелест), но и собственный особенный характер.

Об утренних и вечерних зорях Паустовский пишет замечательно, тонко различая закат солнца и вечернюю зарю, которая после захода солнца «овладевает меркнувшим небом, разликает по нему множество красок – от червонного золота до бирюзы – и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь». Язык у Паустовского литературен, чист, но не бесцветен. Он выразителен, полон образов, не чуждается простонародных названий и выражений.

В главе «Случай в магазине Альшванга речь идёт о старом корректоре, спасшем рассказ начинающего писателя. У автора был талант, но текст его произведения казался недоработанным. Молодые члены редколлегии только руками разводили, не желая связываться с писателем, у которого был вспыльчивый характер. Старый корректор исправил текст, не изменив в нём ни одного слова. Старик проработал всю ночь. Паустовский пишет: «Я прочёл рассказ и онемел. Это была прозрачная литая проза... От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова». Корректор сказал: «...расставил правильно все знаки препинания... Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Ещё Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе лёгкость и правильное звучание. Знаки препинания – это как нотные знаки. Они твёрдо держат текст и не дают ему рассыпаться».

Соотношением и сочетанием слов занимается синтаксис. Знаки препинания изучает пунктуация. Они расставляются по-разному в разных языках, и, в самом деле, значат очень много. Бывает специфическое употребление знаков препинания. Например, в области библиографического описания. Специфическую расстановку знаков препинания знают, главным образом, профессионалы: библиографы, библиотекари, многие преподаватели.

языковые правила расстановки знаков препинания обязан знать каждый носитель языка. Без знания правил расстановки знаков препинания не только рассказ, невозможно написать письмо, составить сообщение или sms, достойно написать диктант.

Виктор Некрасов, эмигрировавший из России во Францию, познакомился с Константином Паустовским в Москве, а по дружились писатели уже во Франции, где Некрасов стал добровольным гидом Константина Георгиевича. В книге «Месяц во Франции» Некрасов писал о том, что уже немолодой Паустовский, болевший астмой, всё ещё сохранил «молодую жажду» новых впечатлений. Оказавшись в Авиньоне, он

часами «бродил среди тесно прижавшихся друг к другу средневековых домов... карабкался по извилистым, в древних булыжниках, крутым подъёмам «кардинальского» Вильнёв-лез-Авиньона». Константин Георгиевич «всё хотел видеть». Писатель «ничего не записывал, не фотографировал...не заглядывал в путеводитель

– просто наслаждался. Красотой, древностью, тишиной». Есть авторы, которых интересуют природа зла, феномен безобразного, абсурд и гротеск. Если бы не очень хороший вкус от природы, не эта чуткость к прекрасному, да ещё умение говорить просто о сложном, книга «Золотая роза», не потерявшая своего значения до сих пор, не появилась бы на свет и не стала бы популярной. Виктор Некрасов, зачинатель так называемой «лейтенантской прозы» с её «окопной правдой» на русской почве, увидел в облике Константина Георгиевича самое главное. Паустовский в природе, архитектуре, в произведениях художественной литературы искал красоту, умел её увидеть и передать свои впечатления читателям кристально чистым русским языком.

Обратим внимание на пронизательное высказывание одного русского писателя о другом мастере художественного слова: «Самое интересное в рассказах Паустовского - это, безусловно, люди. Видел он их, знаменитых и не знаменитых...великое множество и в каждом умел найти что-то своё, особенное... кое-что он даже и придумывал, присочинял, но придумывал это художник, человек талантливый, поэтому получалось хорошо и интересно». Вспомним описание дождей, городов и животных, рассказ из «Золотой розы» о работе старого корректора. Под пером Паустовского, не утрачивая своей общности, узнаваемости, все явления природы, животные и люди становятся особенными, единственными в своём роде. Писатель нередко старался воссоздать облик того или иного литературного классика или своего современника. Один из его литературных портретов повествует об Александре Грине.

Литературный портрет начинается с воспоминания о первой встрече гимназиста Паустовского с творчеством Грина. Константин Паустовский купил дешёвое издание из серии «Универсальной библиотеки». Эти небольшого формата книжки печатались петитом (мелким шрифтом) в жёлтой обложке. Стоили они дёшево. Среди авторов преобладали фамилии иностранных писателей. Паустовский пишет, что русских писателей «Универсальная библиотека» печатала только в виде исключения». Рассказ Грина «Синий каскад

Теллури» и был таким исключением. Паустовский, подобно многим русским читателям, решил, что автор рассказа – иностранец.

Далее следует обширный (20 строк) фрагмент из рассказа «Корабли в Лиссе». Отрывок этот пересказать просто невозможно. В нём говорится о выдуманном Гринем портовом городе. Этот порт вырос на скалах и холмах, отличался обилием мостов, лесенок и узких тропинок. Прямых улиц в Лиссе не было. Южный городок полон зелени, разноязычных голосов, пения, отголосков эха и цветочного аромата. В Лиссе есть гавань, рынки и множество лодок. Не только звуки, но и цвета воображаемого города тщательно отобраны Гринем: жёлтый камень, синяя тень, зелёная вода. Особый характер Лисса, его нерегулярность, естественность и яркость переданы блеском «пламенных глаз женщин», «яркостью платьев» и «магнетическим пожаром звёзд». В городе всё необычно: «веерообразная тень», «крылатое утро», «смеющиеся голоса лодок». Даже грязная гавань сравнивается с «молодым трубочистом». Без долгих и нудных рассуждений о романтизме и романтике Паустовский заставляет читателя сразу ощутить неповторимый вкус и аромат прозы Грина. Понятна реакция юного гимназиста, будущего писателя: «Я читал... читал, не отрываясь, пока не прочёл до конца эту причудливую, как сон, необыкновенную книгу».

К «исключительности» прозы Грина добавляется её «причудливость». Хороший текст всегда активизирует память. Паустовский высказывает гипотезу: воображаемый Лисс вырос из впечатлений, полученных в общении с людьми и созерцании пейзажей реального города. Гриневский Лисс связан с Севастополем. Узнав о том, что Грин – русский, Паустовский не удивился. В

его сознании этот автор был кровно связан с иными писателями-черноморцами. К ним Паустовский относил Катаева, поэта Багрицкого и многих других. Мне посчастливилось посетить Севастополь. Город был напоён солнцем, населён весёлыми и доброжелательными жителями, прорезан горными узкими улочками с опасными поворотами. Я нигде не ела таких сочных персиков, не видела такого сияющего синевой моря. Самым сильным впечатлением был древний Херсонес. Недаром Грин упоминает «живописные трещины старых стен». Мне хочется думать, что гипотеза Паустовского верна, и «чудесный Лисс», в самом деле, связан с древним Севастополем. Порт Лисс у Грина отличается «бестолковостью». Грин пишет о городе любовно и иронично, точно о своём приятеле. Юный Паустовский нашёл всю «весёлую путаницу Севастополя» на страницах Грина. Он с удовольствием цитирует прелестную матросскую песенку, выдуманную Гринем. Сияние звезды (Южный крест), первый ветер, одушевлённый компас, молитва и надежда уместились всего в четырёх строчках:

Южный крест там сияет вдали.

С первым ветром проснётся компас.

Бог, храня корабли,

Да помилует нас!

Слово компас у Грина звучит с ударением на последнем слоге, как это

принято у моряков.

А после песни следует «опьянение». Особое! Рассказы Грина «опьяняли, как душистый воздух, что сбивает нас с ног после чада душных городов». Опьянение писателя того же рода, что у Маяковского: «Я хочу одной отравы – пить и пить стихи». Константин Паустовский упивается красотой гриновской прозы, точно стихами. На этот раз речь идёт не о воспоминаниях юного гимназиста, не о мыслительном усилии хорошего критика, способного представить литературному миру достаточно интересную убедительно звучащую гипотезу. Перед нами драгоценное признание мастера, всецело увлечённого чтением чужого рассказа, не утратившего с годами живости восприятия, способности к чувственному освоению прелестного русского слова, умеющего поэтично выразить своё восхищение сочной яркостью гриновской фразы. И никакой низменной ревности или зависти тут нет. Есть глубина восприятия, радость читательского сотворчества, благодарность творцу за чужой мощный и нежный дар. Объясняя свою мысль, Паустовский перечисляет «причины» опьянения. В одном ряду оказываются конкретные вещи и абстрактные понятия: вино, солнечное сверкание, беззаботная радость, щедрость жизни и, наконец, «чувство высокого». В плане эмоциональном в данной точке текст литературного портрета достигает вершины.

Чувство меры удерживает Паустовского от нагнетания восторженных эпитетов. Психологически верно после высочайшей оценки творчества писателя сказать о тяготах его жизни. Константин Георгиевич пишет, что ему, прошедшему в прошлом нелёгкую жизненную школу, всё же было непонятно «как этот замкнутый и избитый невзгодами человек пронёс через мучительное существование великий дар мощного и чистого воображения, веру в человека и застенчивую улыбку». В рассказах самого Паустовского немало смешных сценок, но он не был комиком, сатириком или мастером гротеска. Именно улыбка, а не приступ безудержного хохота выражает его отношение к русской природе, родному языку, соотечественникам. Упоминание улыбки в описании той или иной личности говорит о том, что автор чувствовал неподдельную душевную близость к писателю, художнику или композитору, о которых он писал в воспоминаниях, рассказах или литературных портретах.

Причисляя Грина к писателям-черноморцам, Паустовский решительно устраняет проблему «нерусскости» Грина, связанную с наличием иностранных имён, названий, таинственных ландшафтов и выдуманных городов в его романах и рассказах. Паустовский высказывает гипотезу о связи Севастополя и Лисса. Проблему соотношения тяжкой жизни автора и совершенства его творческого дара решить невозможно. Паустовский и не пытается это сделать. Он лишь мудро, на уровне подтекста, намекает на один из возможных вариантов решения сложнейшей психологической задачи. Он цитирует самого Грина, говорившего о своей способности видеть «облачный пейзаж над дрянью и мусором невысоких построек». Талантливых людей немало, особенности их дарований бесконечно разнообразны. Одна из особенностей – способность к творческому взлёту, связанная с умением оторваться от мелочей и тягот реальной жизни. В поддержку такого понимания таланта Грина Паустовский приводит цитату Жюль Ренана, французского писателя: «Моя родина – там, где проплывают самые прекрасные

облака». В просторе синевы Чёрного моря, омывающего Крым, белый парус плывущего на удалённой черте горизонта судна, напоминает облако. Роман «Блестящий мир» посвящён небу и полёту, а множество романов, повестей и рассказов Грина связано с морем. Достаточно вспомнить «Бегущую по волнам», «Золотую цепь» и «Алые паруса».

Жанр этого произведения Грин определил как «феерию». Паустовский называет «Алые паруса» поэмой в прозе и утверждает, что одного этого произведения было бы довольно для того, чтобы считать Александра Грина замечательным писателем.

Недаром в двадцать первом веке по инициативе выпускников в Петербурге ориентировочно 18-25 июня отмечается «Праздник «Алых парусов».

Впервые празднование состоялось 27 июня 1968 года. В 1979 году мероприятие отменили. Празднование возобновилось в 2005 году. Для торжества стараются выбрать самую светлую белую ночь. Правительство Петербурга, банк «Россия», а также «Пятый канал» стали организаторами последнего торжества.

Константин Георгиевич Паустовский заканчивает литературный портрет Александра Грина следующей фразой: «Будущее, к которому мы стремимся, родилось из непобедимого человеческого свойства – умения мечтать и любить». В остросужетной новелле «Синий каскад Теллури», упоминаемой в самом начале литературного портрета, интрига развёртывается как пружина. Там фигурируют устрашающее пари, город, чьи жители поражены чумой и преисполнены страха, погони на суше и на воде, пальба из корабельных орудий и ружейная стрельба. На фоне стремительно разворачивающихся событий происходит переоценка ценностей. Авантюрист, рискующий жизнью ради того, чтобы добыть и вывезти из города карты и материалы о таинственном источнике, встречает девушку. Изотта отважно соглашается за плату вывезти героя новеллы из города, перехитрив судно, осуществляющее карантин. В рискованной ситуации расчётливой и отчаянной борьбы за жизнь мужчина дивится отваге и выносливости юной девушки. Он просит её стать его спутницей, но гордая Изотта напоминает ему о том, что целью приезда были карта и материалы о Теллури, а мысль о ней пришал ему в голову «между прочим». Охваченный неожиданно вспыхнувшей любовью, герой новеллы швыряет в кусты документы, добытые с риском для жизни, чтобы Изотта поверила в искренность и силу его чувства. Грин показывает зарождение любви своеобразно, но очень убедительно. Цепочки следов Изотты и её спутника вначале идут на расстоянии друг от друга. Затем расстояние всё уменьшается. В конце рассказа и в начале общего пути любящих цепочки их следов идут рядом. Грин защищал мечту и верил в любовь. В этом Паустовский, конечно, прав.

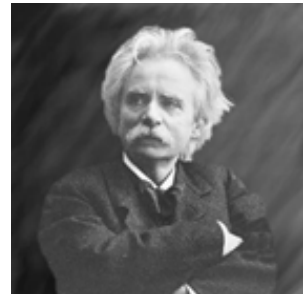
В маленький по размеру литературный портрет (всего 96 строк) автор сумел вместить полемику, гипотезу, три выразительные цитаты, интеллектуальное и чувственное восхищение словом Грина, сожаление о невзгодах и тяготах жизни этого писателя, а также общую оценку творческого дара Грина. На уровне мотивов

композицию текста можно считать колыбельной. Мотивы будущего, мечты и любви, являясь основными мотивами рассказа «Синий каскад Теллури», упомянутого вначале, вновь возвращают мысли внимательного читателя к первым строкам литературного портрета. Язык Паустовского, рассказывающего о Грине, лишен нравоучительной назидательности. Он полон жизни, силы и изящества, выражая глубокую благодарность писателю за создание прекрасных новелл о волшебной стране, которую можно назвать «Гринландией».

Помимо романов, Паустовский и сам писал рассказы. Нередко это были новеллы о знаменитых людях искусства. Причём далеко не только о писателях. Одна из лучших новелл Константина Георгиевича называется «Корзина с еловыми шишками».

Великий норвежский музыкант является и действует на страницах рассказа перед внутренним взором читателя. Первая фраза новеллы звучит просто, но является весьма ёмкой: «Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергана». Автор называет одного из героев повествования, указывает место действия и время года. Почему же, если перед нами рассказ о Григе, нельзя назвать композитора главным героем произведения? Потому, что такое утверждение нельзя признать верным. Сопоставив содержание четырёх частей новеллы, вслушавшись в ритм прозы Паустовского, вчитавшись в диалоги героев рассказа, мы убедимся в том, что главным героем новеллы является не композитор Эдвард Григ, а его музыка. За внешней простотой повествования скрываются весьма серьёзные размышления писателя о сути творчества, личности творца, музыке как искусстве, проветляющем человеческую душу, а также о восприятии музыкальной пьесы молодой слушательницей, от природы наделённой музыкальным слухом и чувством прекрасного.

Первая сцена новеллы развёртывается в горном лесу, расположенном около моря. В нём много тумана, слышится отдалённый гул моря, и растут пряди зелёного мха. Вся атмосфера напоминает сказку. Упоминается ещё весёлое эхо, похожее на птицу пересмешника, готовое любой звук «подхватить» и «швырнуть... через скалы». В названии птицы на уровне подтекста уже звучит сдержанный смех. Пейзаж завершается рассуждением о хрупкости золотых осиновых листьев, которые «дрожат даже от птичьего свиста».

Гуляя в лесу, Григ встречает маленькую девочку с двумя косичками. Дочку лесника зовут Дагни. Она собирает еловые шишки. Григ сожалеет о том, что ему нечего подарить ребёнку. Дагни доверчиво рассказывает незнакомому человеку о старой маминной кукле и показывает, как кукла закрывает глаза. Старый композитор тронут детской доверчивостью. Он обещает девочке сделать ей подарок через десять лет. Дагни не хочет так долго ждать. Григ досадливо ворчит как обычный взрослый, попавший в неловкое положение в присутствии ребёнка. Он советует Дагни учиться терпению. Композитор помогает девочке донести тяжёлую корзину и спрашивает, как зовут её отца. Предлагая посетить дом лесника, девочка перечисляет нехитрые богатства: «У нас есть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка». Григ решает, что написав музыку, навеянную этой

встречей, он прикажет напечатать на заглавном листе: «Дагни Педерсен – дочери лесника Хагерупа Педерсена, когда ей исполнится восемнадцать лет».

Никто не знает точно, как зарождается замысел художественного произведения. В новелле Паустовского у истока лежит сложное переживание встречи старого композитора с маленькой девочкой в сказочном приморском горном лесу. Неловкость Грига в финале разговора с Дагни перекликается со смущением девочки при встрече с незнакомым взрослым в начале разговора. Автор пишет, что Дагни не испугалась оттого, что глаза у незнакомца «смеялись». Это замечание развивает мотив смеха в подтексте рассказа, уже прозвучавший в слове «пересмешник». Девочка с косичками мила, она нравится композитору. Творческий импульс рождается из сказочности северного леса, доброты Грига, не умеющего разговаривать с детьми, обоюдного смущения в момент контакта старости и детства, наконец, затаённого смеха, разлитого в природе и осознанного не героями, а автором и читателями, которым Паустовский предлагает поверить именно в его версию встречи Грига и Дагни. Достоверно известно, что посвящение музыкальной пьесы Грига дочери лесника реально существует. Никому не известно, какой была встреча. Паустовский как художник увидел её и показал своим читателям как сказку в сказке.

Вторая часть истории Грига и Дагни переносит читателей в город Берген в дом композитора, о котором говорили, что он «похож на жилище дровосека». В самом деле, Григ очень строг. Он аскетичен в быту. В доме нет ничего лишнего. Композитор убрал мягкую мебель, ковры и портьеры, способные приглушить звучание музыки. Он оставил только диван. Сидя на нём, друзья слушают музыку Грига. Стены в доме выкрашены в белый цвет. Автор новеллы говорит, что человек с воображением мог услышать в этих стенах северную сагу океанского рокота или «песню девочки, баюкающей свою куклу». Больше месяца композитор сочинял музыкальную пьесу для Дагни. В воображении Грига ему навстречу бежит зеленоглазая девушка. Задыхаясь от радости, сияя, она обнимает старика и благодарит его. Композитор говорит то, что не смог сказать при встрече в лесу: «Ты как солнце. Ты – белая ночь с её загадочным светом. Ты – счастье. Ты – блеск зари. От твоего голоса вздрагивает сердце». Григ благословляет молодость, воплощённую в образе Дагни, а также всё, что радует юную девушку. Сознывая приближение старости, он считает себя счастливым оттого, что отдал людям талант, свою музыку. Наигрывая на рояле, Григ сочиняет музыку в одиночестве, но его игру слышат слушатели, которые не могут попасть в концертный зал. Среди них синицы, загулявшие всхлипывающие матросы, прачка, вытирающая ладонью покрасневшие глаза, сверчок, подглядывающий в щелку, снег, замедляющий полёт ради того, чтобы «послушать звон, лившийся ручьями из дома», и босая Золушка, улыбающаяся своим хрустальным туфелькам. Они вздрагивали как сказочные живые существа. Сталкиваясь друг с другом, туфельки издавали тихий звук «в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига». Паустовский утверждает, что сердцу старого композитора мнение этих наивных слушателей было дороже оценок нарядных посетителей официальных концертов. Фрагмент представляет собой замечательный образец лирической прозы. С бытовым аскетизмом Грига связано ощущение суровости жизни в северной стране, а с его отношением к маленькой дочке лесника в повествование Паустовского входят нежность,

улыбка, затаённый смех и благословение.

С первой частью отрывок связан многими нитями. Например, рокот океана, слышный в музыке Грига, напоминает о шуме морского прибоя в горном лесу у моря, хрустальные туфельки Золушки заставляют вспомнить стеклянную лодочку отца Дагни, а трепетное внимание снега, остановившегося в воздухе, «чтобы послушать звон музыки» родствен дрожи осинового листвя, «дрожащих даже от птичьего свиста». Сердце композитора вздрагивает от звука голоса юной девушки. Из текста уходит цвет золотых листьев щедрой осенней природы. Белому цвету стен жилища Грига соответствует цвет падающего снега. Настала зима. Могущество воображения Грига таково, что белый становится цветом, который не ассоциируется с обесцвеченностью и ли старостью. Он напоминает о распустившемся на сердце девушки цветке, наполняющим «всё её существо благоуханием весны». Посреди зимы творческое усилие рисует весну и показывает читателям ликующую юность. Музыка Грига пронизана радостным настроением. Оно побеждает горечь, как весна побеждает зиму. Переплетение мотивов в подтексте максимально приближает прозаический фрагмент к звучанию музыкального отрывка. Мотивы объединяют части новеллы, превращая текст в единое целое.

Третья часть рассказа наиболее прозаична. Девушка отправилась в столицу к тётке, театральной портнихе. Дагни живо интересуется театром. Повествовательное начало преобладает над изобразительным. Автор новеллы рассказывает о Дагни, превратившейся в стройную девушку с тяжёлыми золотыми косами. Они роскошны и естественны, как естественны золотистые оттенки осенних листьев. Тётка с мужем уговаривают племянницу посетить концерт.

Последняя часть новеллы повествует о концерте. В честь восемнадцатилетия Дагни тётка с мужем уговорили племянницу надеть строгое чёрное бархатное платье, эффектно подчёркивающее её расцветающую красоту, и отправиться в концертный зал. Нильс, муж тетушки, сказал жене: «Дагни так хороша, будто идёт на первое свидание». Девушка ещё не знала, что её ждёт свидание с музыкальной пьесой Грига, посвящённой ей. Игра симфонического оркестра вызвала в воображении Дагни множество картин, «похожих на сны». Узнав, что знаменитая пьеса посвящена ей, девушка не в силах сдержать слёзы.

Поборов волнение, Дагни услышала песню пастушеского рожка на заре. На этот звук «чуть вздрогнув, откликается струнный оркестр». Пересказать словами классическую музыку невозможно. Паустовский этого и не делает. Он передаёт впечатление от музыки Грига, используя для этого свежесть восприятия юной девушки, чьё волнение усилено узнаванием. В звуках симфонического оркестра Дагни узнаёт родной лес, многократно слышанное незатейливое пение рожка, свист птиц, «ауканье детей», мощный шум морского прибоя. Впечатлительной девушке кажется, что она ощущает порыв свежего северного ветра, видит, как ожили стеклянные кораблики, храбро отправившись в морское путешествие. Она вспоминает встречу с седым человеком, обещавшим ей подарок. Дагни догадывается: «Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант!... Так вот тот подарок, что он обещал сделать через десять лет!»

В тексте новеллы вновь появляется мотив солнца. Паустовский сравнива-

ет с ним доброту. Музыка зовёт девушку в чудесную страну, где «солнце горит как корона в волосах сказочной доброй волшебницы». В воображении Дагни звучит знакомый голос. Он говорит: «Ты – счастье! Ты – блеск зари!» Девушке в порыве благодарности хочется прижаться «мокрой от слёз щекой к щеке» стареющего Грига и поблагодарить великого композитора, открывшего перед ней дверь в мир классической музыки за то, что он «не забыл её, за его щедрость». В финале новеллы счастливая Дагни говорит: «Слушай, жизнь, я люблю тебя». Услышав смех племянницы, Нильс думает, что «жизнь Дагни не пройдёт даром».

Новелла Паустовского говорит опреласной музыке Грига, о юном доверии к жизни, о радости узнавания родной страны, о долгой жизни детских впечатлений. Текст пронизан мотивами красоты, доброты, трепетной взволнованности. Если действие первой части развёртывается в реальном лесу, то уже во второй части автор уводит читателей в страну воображения. Здесь царствует творчество великого Грига. В последней части рассказа юная Дагни, следуя за музыкой, попадает в творческую лабораторию композитора, вспоминая свою встречу с ним десять лет назад. Старика и ребёнка объединяют чистота помыслов, яркость восприятия, сила воображения, а также великая способность отвечать богу, жизни и людям не бесконечной жадностью и злобной завистью, а искренней благодарностью и душевной щедростью. Музыка норвежского композитора тесно связана с природой родной суровой Норвегии. Само по себе название страны означает «северный путь». Музыка Грига, могучая и трепетная, мужественная и сказочная, наделена неповторимым своеобразием. Вот каким увидел лик григовской музыки

Степан Нефёдов (Эрьзя), замечательный скульптор, работавший по дереву в России, во Франции и Аргентине. В его произведении дух музыки Грига воплощён в строгой красоте женского лица с классически правильными чертами. Неподвижность лица контрастирует с копной волос, раздуваемых ветром. Рокот морского прибоя часто слышится в музыке норвежского композитора. Отзвук его улавливается и в тексте новеллы Паустовского, посвящённой Григу. Для стиля Эрьзи характерно противопоставление гладко отполированных поверхностей и необработанных фрагментов композиции. Гладкость прекрасного женского лица, неожиданно возникающего перед взором зрителей на фоне хаоса раздуваемых ветром волос, отлично передаёт драматизм и музыкальный напор, сочетающиеся с волшебной сказочностью и мелодичностью творений Грига.

Сопоставление литературного портрета Александра Грина и рассказа об Эдварде Григе позволяет осознать принадлежность двух текстов к разным жанрам: литературному портрету и рассказу. Именно этим объясняется то, что Грин не действует на страницах произведения Паустовского, а Эдвард Григ является одним из действующих лиц новеллы. Однако, главным героем рассказа «Корзина с еловыми шишками» я бы назвала не Грига или обаятельную Дагни Педерсен, а музыку норвежского композитора. Встреча с ней потрясает душу

дочери лесника сильнее, чем встреча с самим композитором. В музыке Грига дышит как бы очищенная от тягот обычной жизни, связанных с одиночеством и аскетизмом, высокая душа великого норвежца, открывающая новую страницу в жизни юной Дагни. Язык Паустовского в новелле чист и ярок. Никаких просторечных наименований здесь нет, много эпитетов и поэтических сравнений. В новелле нет гипотез и доказательств какой-либо конкретной точки зрения. Перед нами художественная версия такого развития событий, какое могло привести к появлению дарственной надписи на обложке партитуры симфонической пьесы Грига. Общий тон повествования в литературном портрете несколько более сдержанный. Текст новеллы организован музыкально. Он поэтичен и отличается взволнованной приподнятостью тона, что соответствует юному возрасту героини «Корзины с еловыми шишками», а также тому потрясению, которое испытала Дагни при первом соприкосновении с симфонической музыкой великого Грига.

Как символы прозы и судьбы Паустовского звучат названия «Мещера», «Пра», «Таруса». Единство природы и человека выражено Паустовским через язык с удивительной силой и простотой. Его язык чист, литературен и ярок, с вкраплениями просторечных выражений, поэтических эпитетов и образных выражений. Реки в новеллах Паустовского бегут, каждая в своём ритме, леса дышат, а дождики походят на сказочных живых существ с неповторимым звучанием капель и собственным характером.

Сопоставления литературного портрета Александра Грина и рассказа о музыке Эдварда Грига «Корзина с еловыми шишками» выявило принадлежность текстов к разным жанрам. Поэтому Грин не является литературным персонажем, а Грига можно назвать одним из героев новеллы. Она является художественной версией встречи норвежского композитора с дочерью лесника, в результате которой у Грига зародился замысел его замечательной симфонической пьесы, посвящённой Дагни Педерсен. В новелле нет гипотез и доказательств какой бы то ни было точки зрения. Рассказ о Григе организован музыкально и отличается взволнованностью тона. В небольшой литературный портрет Паустовский включил собственную гипотезу о близости городов Лисса и Севастополя, три цитаты и неподдельное восхищение богатством воображения, а также совершенством языка писателя Александра Грина.

«Золотая роза» - одна из вершин творчества Паустовского. Книга о чувстве призвания, особенностях писательского мышления, а также опыте практической работы прозаика, раскрывающая тайны мастерства, не потеряла своего значения и в двадцать первом веке.

Четыре раза выдвигали Константина Паустовского на получение Нобелевской премии по литературе, но премия так и не была получена писателем. Она была присуждена Михаилу Шолохову в 1965, Мигелю Астуриасу в 1967 году. В 1968 году Паустовский был вновь выдвинут на получение Нобелевской премии. Он умер до принятия окончательного решения. Осмелимся утверждать, что творчество Паустовского было популярно не только в советской России. В литературоведческий обиход была введена телеграмма замечательного стилиста Ивана Бунина. Писатель был так предан родной литературе, что следил за её развитием, находясь в эмиграции. Рассказ Паустовского «Корчма на Брагинке» оценена классиком русской литературы двадцатого века очень высоко. Приведём

текст бунинской телеграммы: «Дорогой брат! Я прочёл ваш рассказ «Корчма на Брагинке» и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа («под занавес»), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго! Иван Бунин. 15.IX.1947».

Автору настоящей работы хочется обратить внимание читателей на упоминание «радости». Это слово возвращает нас к эпиграфу: «Дело художника – рождать радость». Автором высказывания является Константин Паустовский, русский писатель, интерес к творчеству которого не угас и в двадцать первом веке.

ВЫВОДЫ:

1. Творчество Константина Паустовского отличается жанровым разнообразием (роман, повесть, рассказ, литературный портрет, воспоминания и др.), а также тонким пониманием особенностей любого из избранных автором жанров.
2. Читателя произведений Паустовского ждёт встреча не только с ясным русским литературным языком, но и с вкраплениями просторечных слов, диалектизмов, а также элементов профессиональных жаргонов. При этом языковое чутье и безупречное чувство меры позволяло писателю создавать тексты, звучавшие удивительно гармонично и выразительно.
3. В деятельности Константина Григорьевича Паустовского много часов и дней было отдано огранке чужих писательских талантов. «Секреты мастерства» раскрываются также в «Золотой розе», чтение которой поможет воспитать в себе вдумчивого читателя или развить природный талант рассказчика.
4. Любовь к Родине у Константина Григорьевича Паустовского выражалась в стремлении сохранить культурное достояние нации, а также в защите того или иного деятеля культуры от преследований. Не будучи по характеру и темпераменту борцом или диссидентом, Паустовский немало сделал для развития культуры родной страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. ДИТРИХ, МАРЛЕН. *Размышления* / Марлен Дитрих. – Москва : Искусство, 138 р.
2. ИЗМАЙЛОВ, АЛЬБЕРТ ФЁДОРОВИЧ. *Наедине с Паустовским*: К. Г. Паустовский – прозаик, публицист, критик, драматург / Альберт Фёдорович Измайлов, Андрей Фёдорович Иезуитов. – Ленинград: Наука, 1990. – 136 р.